

Поэт Императорской гвардии

Кирилл Александров

Поэты-эмигранты возвращались в Россию стихами. Но иным и того не довелось. «Кто отторгнут от места и времени, тот обратно придёт с опозданием», — написал Александр Городницкий.

▲ Князь Фёдор Николаевич Касаткин-Ростовский. 1916 год

В следующем году исполняется 150 лет со дня рождения поэта, драматурга, переводчика и героя Великой войны, лейб-гвардии полковника Семёновского полка князя Фёдора Николаевича Касаткина-Ростовского (в некоторых источниках и публикациях Косаткин-Ростовский. — К. А.). В начале XX века его имя знал весь военный Петербург. На стихи офицера-семёновца пели песни кадеты и юнкера, «потешные» и скауты-разведчики:

*Раздайтесь напевы победы,
Пусть русское сердце вздрогнёт,
Припомним, как билися деды
В великий Двенадцатый год.*

В патриотических кругах столичного общества пользовались популярностью переводы князя Касаткина-Ростовского из пламенных сочинений французского националиста и литератора Поля Деруллада, требовавшего от соотечественников реванша у Пруссии за аннексию Эльзаса и Лотарингии в 1871 году:

*Всё там ещё они... в отечестве родном,
Всё душат и томят они своим ярмом,
И наши области их ноги попирают.
Пусть верные душой —
того не забывают,*

«**Бархатная книга**» представляет собой родословную книгу наиболее знатных боярских и дворянских фамилий России. Составлена в 1687 году в связи с отменой местничества (1682) — системы распределения служебных мест в Русском государстве XV–XVII веков с учётом происхождения человека и служебного положения его предков. Это позволило изменить порядок назначения людей на ключевые посты в государстве — не за принадлежность к боярской семье, а за заслуги. В общей сложности было подано около 630 родословных росписей от порядка 560 служилых семей.

Правительство Фёдора Алексеевича опасалось восстановления местничества. Поэтому по решению Земского собора были сожжены разрядные книги — документы, в которых записывались результаты споров между боярскими родами о том, кто из их представителей должен стоять выше в местнической иерархии.

В 1787 году «Бархатная книга» была издана просветителем и издателем Николаем Новиковым под названием «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих». При этом, как объявил издатель на заглавном листе, книга воспроизводилась не по подлиннику, а по «самовернейшим спискам, из которых иные писаны старинным, а другие новым письмом».

«Дилетант»

Всё родине несут, лишь с мыслью
об одном —
Всё там они ещё... в отечестве родном.

«Родословная книга князей и дворян российских и выезжих...» 1787 года издания, содержащая в себе знаменитую «Бархатную книгу», родословную, собранную и сочинённую при царе Фёдоре Алексеевиче, кратко гласит: «Касаткины-Ростовские Князя. Произшли от Князей Ростовских, название получили от одного из потомков их, прозывавшегося Князь Михайло Касатка, от чего весь род получил сие название».

Записи о княжеском роде содержались в V части родословных книг

Московской, Санкт-Петербургской и Тульской губерний. Муж Михайло Касатка, упоминавшийся в актовых материалах воеводой в царствование Ивана IV, приходился в XIX колене прямым потомком Рюрику. Среди предков Касаткиных-Ростовских — великий князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо и его сын Константин. Поэтому Генерального штаба генерал-майор Алексей фон Лампе, служивший в 1908–1910 годах в лейб-гвардии Семёновском полку, в эмиграции добрым словом вспоминал не просто однополчанина, а дальнего «потомка Владимира Святого», Крестителя Руси. «Певец красоты, поэт, влюблённый в свою отчизну» — так лирично писал о гвардейце зимой 1943 года в Париже герой Великой войны генерал-майор Сергей Познышев, напоминая читателям слова семёновца:

*Не сдамся я, пока зовёт
От тьмы земной — хоть искра света,
Пока струна в душе поёт,
Призыв родной услыша где-то.*

Фёдор Николаевич, происходивший из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии, родился 1 (13) ноября 1875 года в семье лейтенанта Императорского военно-морского флота, князя Николая Фёдоровича Касаткина-Ростовского (1848–1908) и его законной супруги Надежды Карловны, урождённой Монтрезор (1852–1917). В браке у них родились дети Надежда, Фёдор, София, Александра и Николай, о чём сохранились записи в метрических книгах.

Княжеская семья считалась богатой. В конце XIX века отец владел родовым имением в 1700 десятин земли в Смоленской губернии, приобретённым — в 210 десятин в Курской губернии. И в ней же за Надеждой Карловной числилось ещё одно приобретённое имение в 1200 десятин. В связи с чем сведения о месте рождения Фёдора Николаевича разнятся. Чаще исследователями указывается имперская столица, но нельзя исключать, что будущий гвардейский полковник родился в имении, находившемся в слободе Чернянка Новооскольского уезда Курской губернии.

▲ Князь Николай Фёдорович Касаткин-Ростовский, член Государственного совета. 1907 год

Николай Фёдорович, состоявший в службе с 1869 года, участвовал в русско-турецкой войне и в 1878 году был награждён за боевые отличия орденом Святого Станислава III степени с мечами и бантом. В 1878–1879 годах он находился в отставке, затем занимался общественной деятельностью, избирался предводителем дворянства Новооскольского уезда. В 1897 году пожалован званием камергера и чином действительного статского советника. До конца своих дней Николай Фёдорович придерживался консервативных взглядов, считая самодержавие незыблемой опорой России и воспитывая детей в духе искренней преданности престолу.

Княжеская семья считалась богатой

Князь Фёдор Николаевич поступил на военную службу 8 сентября 1893 года. Общее и военное образование будущий литератор получил в Пажеском Его Императорского Величества корпусе. 12 августа 1895 года, окончив по I разряду положенный курс наук, Касаткин-Ростовский вышел лейб-гвардии подпоручиком в Семёновский полк («Петровской бригады» 1-й гвардейской пехотной дивизии), квартировавший в Санкт-Петербурге.

◆ Знак Пажеского кадетского корпуса.
Утверждён 18 марта 1902 года

это без особого нажима, благодаря, отчасти, ровности состава. Сами пажи являлись судьями в том, что допустимо и что нет, и в их взаимных отношениях самым крупным преступлением считалась вульгарность или “хамство”. Провинившегося в этом преследовали и кое-кого подвергали товарищескому ostrакизму. С такими говорили на холодном “вы” и старались не иметь с ними дела».

В конце 1890-х годов Касаткин-Ростовский начал печатать свои стихи и другие сочинения на страницах газеты «Русский труд» экономиста-славянофила Сергея Шарапова. В 1898 году гвардейский подпоручик женился на Ольге Богдановне Хвощинской (1878–1952), в браке с которой родились трое детей: Марина (1900–1979), Наталья (1903 н. ст. — 1947?) и Кирилл (1904–1980). Но, к сожалению, вскоре после рождения сына семейная жизнь Касаткиных-Ростовских стала тягостной для одного, а может быть, и для обоих супругов.

В одном выпуске с поэтом в офицеры были произведены два будущих известных генерала и георгиевских кавалера Великой войны: Борис Геруа и Александр Шуберский. Борис Владимирович, вероятно, выразил мнение многих своих однокашников, когда писал в мемуарах:

«От корпуса, его традиций и быта осталось приятное впечатление. Связь со школой сохранялась искренняя и душевная, и достигалось

■ Пажеский корпус. Открытка начала XX века

С-ПЕТЕРБУРГЪ. Садовая улица. Пажеский корпусъ
ST-PETERSBOURG. Rue Sadovaja. Corps des Pages

Перо и служба

Первый сборник стихов одарённого князя увидел свет уже в 1900 году. Сначала в полку к его литературным занятиям относились снисходительно, затем — с искренним уважением и почтением. В начале XX века пишущих господ офицеров в Императорской армии хватало, но вместе с тем гораздо меньше оказывалось тех, кто показывал себя талантливым литератором.

Более сорока лет спустя генерал фон Лампе вспоминал:

«В нашем полку было много офицеров блестящих, выдающихся и просто хороших. Но мало было таких людей, каким был Фёдор Николаевич, мало таких, которые были особо отмечены перстом Божиим, имели особый дар, отличающий их от других людей. Таким был князь Фёдор Николаевич... в нём жили два человека, в нём жил русский офицер, верно служивший в рядах полка, убеждённый монархист, что так естественно для потомка Владимир Святого... но кроме того в нём жил и совершенно другой человек, человек, отмеченный Богом, человек, вла-

девший совершенно особым языком и в минуты творчества свободно говоривший на этом языке; даже нам, старым его полковым товарищам, давно знавшим его, языком новым, неожиданным, для нас недостижимым... но понятным и близким».

В лейб-гвардии Семёновском полку Касаткин-Ростовский служил добросовестно, занимал должности младшего офицера и батальонного адъютанта, производился

СТИХОТВОРЕНИЯ

КН. Ф. Н. КОСАТКИНА-РОСТОВСКАГО

(1900 — 1906)

Lorsque le cœur a quelque chose à dire,
Il n'y va pas chercher d'accoutement:
Il le proclame, ou, mieux, il le soupire
Tout simplement.

Fuis les grands mots où l'âme est prisonnière:
Mais, en souffrant, mon fils, comme en aimant,
Reste toi-même, et vis à ta manière.
Tout simplement.

Charles FUSTIER

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

▶ Стихотворения кн. Ф. Н. Косаткина-Ростовского. Санкт-Петербург, 1907 год

в положенные обер-офицерские чины, считался коренным семёновцем, пользовавшимся уважением однополчан. В 1906 году его мундир украсил положенный по выслуге орден Святого Станислава III степени. С осени 1907 года Фёдор Николаевич командовал 2-й ротой 1-го батальона Лейб-гвардии штабс-капитан Юрий Макаров в своих мемуарах о службе в старой гвардии отмечал хорошую репутацию подразделения. Достаточно часто командир роты выступал в поддержку господами офицерами — от имени полка — разных культурных и мемориальных инициатив, в которых семёновцам предлагалось участвовать.

В 1908 году Касаткин-Ростовский заслужил Высочайшее производство в гвардейские капитаны. Князь-офицер и князь-литератор легко уживались друг с другом. Он, как свидетельствовал фон Лампе, «находил такие слова, которые доходили до сердца его читателей <...> затрагивали струны их души». При этом Фёдор Николаевич порой позволял себе остроты и шутки, потешавшие однополчан. В 1906–1908 годах 1-й гвардейской пехотной дивизией командовал герой русско-японской войны генерал-лейтенант Платон Лечицкий, требовавший от подчинённых совершенной стрелковой подготовки.

Походы на стрельбище Касаткин-Ростовский описывал так:

«На тысячу шагов стреляли мы вторично, — // На этот раз отлично». «И число попавших пуль, // Как и надо — будет нуль».

В 1909 году во время торжеств по случаю 200-летия Полтавской баталии император Николай II, называвший лейб-гвардии Семёновский полк после подавления московского восстания в декабре 1905 года «вернейшим из верных», посетил бивак соседей-преображенцев. Но в их рядах в 1906 году произошла неприятная история, связанная с дисциплинарным брожением в 1-м батальоне. А «вернейших» государь посещением не почтил, после чего семёновцы, всегда состязавшиеся с преображенцами, расстроились. Тогда Касаткин-Ростовский так откликнулся на хмурое состояние

однополчан: «Уйди, барбос, люблю я фокстерьера, // Хоть и меня кусает он порой».

Опасная шутка не вышла за пределы полка — или, по крайней мере, на неё не обратили особого внимания. И как будто успех сопровождал службу обеспеченного семёновского офицера в стольпинской России. Позднее чуткий мыслитель Георгий Федотов писал о предвоенных шести-семи годах:

«Страна торопилась жить, чувствуя, как скупо сочтены её оставшиеся годы. Промышленность переживала расцвет. Горячка строительства, охватившая все города, обещавшая подъём хозяйства, предлагавшая новый выход крестьянской энергии.

Современники не чувствовали приближения катастрофы

Богатевшая Россия развивала огромную духовную энергию. Именно в это время для всех стал явен тот вклад в русскую культуру, который вносил русское купечество. Университет, получивший автономию, в несколько лет создал поколение научных работников в небывалом масштабе. В эти годы университеты Московский и Петербургский не уступали лучшим из европейских».

Современники не чувствовали приближения катастрофы. Довольный жизнью лейб-гвардии капитан князь Касаткин-Ростовский, решивший хлопотать о разводе, не мог предвидеть Великой войны, чудовищных потерь, кровавой революции — и изгнания в зарубежную нищету, в которой в утешение оставались лишь строки, выходившие из-под пера голодного поэта:

*Благослови, Господь, мой путь
Открой души моей глубины,
Согрей измученную грудь
Того, кто рвётся на вершины. ▼*

Автор — кандидат исторических наук